

Marčenko, Oleg

**Творчество Николая Гоголя и Григория Сковороды в
размышлениях Дмитрия Чижевского**

In: *N. V. Gogol: Bytí díla v prostoru a čase : (studie o živém dědictví)*.
Dohnal, Josef (editor); Pospíšil, Ivo (editor). V Tribunu EU vyd. 1. Brno:
Masarykova univerzita, Ústav slavistiky Filozofické fakulty, 2010, pp.
235-243

ISBN 9788073991975

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/132732>

Access Date: 03. 12. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University
provides access to digitized documents strictly for personal use, unless
otherwise specified.

ТВОРЧЕСТВО НИКОЛАЯ ГОГОЛЯ И ГРИГОРИЯ СКОВОРОДЫ В РАЗМЫШЛЕНИЯХ ДМИТРИЯ ЧИЖЕВСКОГО

ОЛЕГ МАРЧЕНКО (МОСКВА)

В научном проекте выдающегося украинского слависта Дмитрия Ивановича Чижевского (1894-1977) творчество Гоголя занимает особое место. Чижевский написал о Гоголе ряд замечательных статей и всю жизнь работал над книгой о любимом писателе. Не менее, однако, известен и огромный интерес Чижевского к фигуре знаменитого украинского поэта, философа и педагога Григория Савича Сковороды (1722-1794), творчеству которого ученый посвятил более пятидесяти работ, из которых наиболее известными являются книги «Філософія Г. С. Сковороди» (Варшава, 1934) и «Skovoroda: Dichter, Denken, Mystiker» (München, 1974). В докладе показана важность мирозерцания Сковороды для интерпретации Чижевским некоторых философских и историко-культурных проблем, – и прежде всего творчества Гоголя.

Ключевые слова: Д. Чижевский, Н. Гоголь, Г. Сковорода, «сродный труд», «свое место», методология гуманитарных исследований.

A special place in the scientific project of an outstanding Ukrainian slavist Dmitry Ivanovich Chyzhevskij (1894-1977) is occupied by the works of Nicolai Gogol. Chyzhevskij wrote a number of remarkable articles on Gogol, and all his life he was working on a book about his favourite writer. Well-known is also Chyzhevskij's great interest in the famous Ukrainian poet, philosopher and pedagogue Hryhorij Savych Skovoroda (1722-1794). Chyzhevskij wrote more than 50 papers which cover Skovoroda's work; the most significant are «The philosophy of H.S. Skovoroda» (Warsaw 1934) and «Skovoroda: Dichter, Denker, Mystiker» (München 1974). The present contribution reveals the importance of Skovoroda's *Weltanschauung* for Chyzhevskij's interpretation of some philosophical, cultural, and historical problems – and first of all Gogol's works.

Keywords: D. Chyžhevskij, N. Gogol, H. S. Skovoroda, congenial work, the right man in the right place, methodology of humanitarian studies.

Пользуясь широтой формулировки темы нашей конференции, попробую высказать несколько соображения не о «творческом наследии Н. В. Гоголя», но о «проблемах изучения» этого наследия.¹ Для начала я обратил бы внимание слушателей на ряд публикаций последних лет, в которых наблюдается любопытная, с моей точки зрения, черта. Вот, к примеру, израильский литературовед, прочитав в какой-то книжке о том, что религия – это «встреча со священным как с Другим», решительно отказывает Гоголю в подлинной религиозности.² Гоголь «не находит правильного для себя способа анализировать реальность», – утверждает его российский коллега. – Писатель не в силах «через опосредование потусторонности» осуществить «повторение гуманистической логики пути Иисуса».³ Похоже, мы имеем дело с некоторой неблагоприятной, на мой взгляд, тенденцией гуманитарного знания начала третьего тысячелетия. Французский исследователь, постоянно апеллирующий, кстати, к Фрейдю, отчитывает как мальчишку Бориса Поплавского, найдя у него «ошибочное толкование учения Христа».⁴ Другой автор, на этот раз из Москвы, заявляет, что Симона Вейль «путала типологическое сходство с генетическим, не была знакома с понятием *архетип* и в феноменологии религии проявила меньше осведомленности, чем Берлиоз, рассказывающий Иванушке о том, как ацтеки лепили из теста фигурку Вицли-Пуцли»; «она отказывала еврейской Библии в праве называться словом Божиим», «она отрицала священный характер человеческой истории»... «Все это вместе позволяет с известными основаниями обвинить Симону Вейль в гностической ереси маркионизма».⁵

¹ Работа написана при поддержке РГНФ, проект № 08-04-00337а.

² ПАПЕРНЫЙ, В.: Повесть «Рим», город Рим и мессианизм позднего Гоголя. Гоголь и Италия. Москва 2004. с. 127.

³ ДАВЫДОВ, А. П.: Душа Гоголя. Опыт социокультурного анализа. Москва 2008. с. 114, 134.

⁴ МЕНЕГАЛЬДО, Е.: Поэтическая вселенная Бориса Поплавского. Спб. 2007. с. 257, см. также с. 255-256.

⁵ ШМАИНА-ВЕЛИКАНОВА, А. И.: Воздвижение креста: Несколько слов о Симоне Вейль ВЕЙЛЬ, С. Тяжесть и благодать. Москва 2008. с.14, 15. Любопытно было бы, кстати, узнать, какая именно *научная* концепция включает представление о «священном характере человеческой истории».

Я привожу эти неопитские ламентации лишь затем, чтобы следующее простое утверждение звучало несколько более эвристично. При несомненном новаторстве, смелости и изощренности его научных методов, выдающийся украинский славист Дмитрий Иванович Чижевский (1894-1977) оставался в целом сторонником достаточно традиционного подхода к изучению культурного наследия. Исследование это вовсе не «экспертная оценка», суть которой сравнение идей автора с произвольно понятым тем или иным – ортодоксально-христианским, марксистско-ленинским, либерально-демократическим и т.д. – «катехизисом». Чижевский подходил к исследуемому предмету с доверительной чуткостью, с презумпцией того, что художник открывает некую грань бытия, не данную нам в режиме нашего обыденного существования. Художник расширяет наш спектр восприятия реальности, меняет сам регистр звучания бытия, образует и воспитывает сложность наших эстетических реакций. В широком смысле слова, вполне платоническая установка, если уж говорить о традициях. Взору не только внимательному, но прежде всего любящему открывается истина. Внимательное медленное чтение, бережное выявление впервые обретаемого конкретного смысла. Именно так подходил Чижевский и к изучению творчества Гоголя и Сквороды.

В научном проекте Чижевского гоголевское наследие занимает особое место, Гоголь был, как известно, его любимым писателем. Все знают удивительную статью «О „Шинели” Гоголя», вышедшую в парижских «Современных Записках» (LXVII, 1938), статьи Чижевского о Гоголе выходили и позднее (к примеру, «Неизвестный Гоголь», «Две родословных Гоголя» в нью-йоркском «Новом журнале» № 27, 1951 и № 78, 1965, и др.): долгие годы Чижевский работал над книгой о Гоголе. Не менее, однако, известен и огромный интерес Чижевского к фигуре знаменитого украинского поэта, философа и педагога Григория Савича Сквороды (1722-1794). Различным аспектам жизни и творчества этого автора Чижевский посвятил на нескольких языках более пятидесяти работ, из которых наиболее значительными являются книги «Філософія Г. С. Сквороди» (Варшава, 1934) и «Skovoroda: Dichter, Denken, Mystiker» (München, 1974). В своем докладе я постараюсь показать важность учения Сквороды для интерпретации Чижевским некоторых философских и историко-культурных проблем, – и прежде всего творчества Гоголя.

Попробую свести воедино несколько моментов, несколько тем в работах Чижевского, будучи уверен, что в творческом мышлении украинского

интеллектуала они находились в концептуальном единстве.⁶ Первые две темы названы, это усилия по прояснению идеологии Гоголя и исследование творчества Сковороды. Следующая важная тема – тема «двойничества», которая Чижевским решается в онтологическом ключе и связана с философской критикой этического формализма, развиваемой в ряде работ – фрагментах так и ненаписанной книги «О формализме в этике».⁷ (Оставляю сейчас в стороне сложный вопрос о соотношении идей Чижевского, высказанных в этих работах, с идеями М. Шелера, С. Кьеркегора, Л. Фейербаха, М. Штирнера, Ф. Ницше и др.)

Ученик и друг Чижевского, проф. Дитрих Герхардт в немецкоязычных воспоминаниях своих сообщает следующее. «Мой первый семинар у него (...) был посвящен Гоголю и «*Вечерам на хуторе близ Диканьки*». (...) Мы услышали об однокашниках Гоголя, например, о странном Платоне Лукашевиче и его «Микроскопической астрономии», о Вертепе и устойчивой последовательности его образов, а также о проступающей из-за всяческих цветных стилистических кулис гоголевской философии божественного плана положений (...) [Philosophie eines göttlichen Stellenplanes. – *О.М.*].⁸ Я воспользовался здесь переводом В. В. Янцена, публикатора этого материала, но специально отмечу, что вот это Philosophie eines göttlichen Stellenplanes довольно сложно передать по-русски. Более точно было бы сказать «гоголевская философия Божьего Замысла», но с непременным учетом того, что Stelle – это место, stellen – устанавливать, определять, назначать, а Plan – замысел, намерение; в целом же Stellenplan – штат, как административно-территориальная единица, и штат как личный состав, штатное расписание. Т. е. здесь Замысел Божий – это замысел Божественных предназначений, Божественного общества, мира Божьего. Вообще говоря – это София, «внутреннее человечество», замысел Божий о людях, в котором каждому дано «свое место».

⁶ Многие темы, кстати, были найдены и продуманы Чижевским в период его пребывания в Чехии, см.: МАГИД, С.: Д. И. Чижевский в «украинской Праге» в 1924-1932 гг. //Rossica. Научные исследования по русистике, украинистике и белорусистике. Прага, 2007. с.1-48.

⁷ О неосуществленных научных проектах Чижевского см. недавно опубликованный очерк: ЯНЦЕН, В. В.: Неизвестный Чижевский: обзор неопубликованных трудов. Санкт-Петербург, 2008. С вышеупомянутыми связана и чрезвычайно важная для Чижевского тема «просвещения», но здесь нет возможности касаться этого вопроса.

⁸ ГЕРХАРДТ, Д.: Воспоминания о Д. И. Чижевском. Д. И. Чижевский. Материалы к биографии. Москва, 2007. с.295-296.

Одна из замечательных участниц нашей нынешней встречи, Алена Быстрова, в декабре 2008 г. на конференции «Kultura i oświata w europejskim międzywojniu (1918-1939)» (Siedlce) в своем докладе об исследовании Чижевским творчества Ф. М. Достоевского высказала мысль, согласно которой феномен «двойничества» коренится в способности человека быть другим. Учитывая своеобразие этого мнения, скажу, однако, что Чижевский предлагал несколько иное объяснение этого феномена. Приведу несколько необходимых выдержек из текста Чижевского.

«Реальность человеческой личности не обуславливается простым ее „существованием“, в эмпирическом плане бытия, но требует каких-то иных (вне-эмпирических) условий и предпосылок. (...) ...В душе Ставрогина нет „устремленности“, у него нет никакого душевного „меридиана“ и для него нет того „магнитного полюса“, к которому влечется, по мнению Достоевского, всякая *живая* душа, – *нет Бога*. Живое, конкретное бытие человека, всякое его «место» в мире возможно лишь через живую связь человека с божественным бытием. (...) Появление двойника ставит перед человеком вопрос о конкретности его реального существования. Оказывается, что просто «существовать», «быть» еще не есть достаточное условие бытия человека, как этического индивидуума. – Проблема «устойчивости», онтологической прочности «этического бытия» индивидуума – и есть (...) проблема отличия человеческого существования от всякого иного бывания, определение которого просто и общо, «абстрактно» и пусто, сводится к простой спецификации в пространстве и времени. (...) Этическое действие человека имеет три стороны. Действует всегда *кто-то*, *где-то* и *как-то*. Первые два элемента насквозь конкретны и индивидуальны. Третий, однако, может быть схвачен абстрактно, логическими формами. ...В истории моральной философии мы подмечаем тенденцию или вовсе игнорировать оба первых элемента этического действия или же схематизировать их по типу абстрактной мысли. (...) Между тем этические субъекты по существу своему несравнимы, вернее, не должны быть сравниваемы, – ибо каждый из них имеет свою *индивидуальную* скалу степеней этического достоинства, несоизмеримую с другими скалами иных субъектов. (...) Этическая функция появления двойника, пожалуй, сходна с этической функцией смерти, – утрата *бытия* субъектом (...) с последней решительностью ставит перед субъектом проблему – или обретение устойчивости и новой жизни в Абсолютном бытии или уход в Ничто».⁹

⁹ ЧИЖЕВСКИЙ, Д. И.: К проблеме двойника. (Из книги о формализме в этике) О Достоевском. I. Сборник статей под редакцией А. Л. Бема. Прага, 1929. с.16, 22, 25-26, 29, 36, 38.

Как видим, по мысли Чижевского, феномен «двойничества» связан прежде всего с утратой того самого «своего места», т. е. укорененности индивидуума в трансцендентном, потерей живой связи с божественным бытием.¹⁰ Философию «своего места» Чижевский находил в том числе и в идейно-художественном наследии Гоголя. Нетрудно заметить, что именно в этом ключе прочитывается Чижевским гоголевская «Шинель»: главная ее тема – потеря себя, утрата себя (как и в других «Петербургских повестях»). В переписке Гоголя времени работы над повестью, отмечает Чижевский, писатель постоянно возвращается к этой теме. «Гоголь резко противопоставляет внешнюю и внутреннюю жизнь. Надо иметь «неподвижный якорь», так как все вещи в мире обречены гибели, человек должен иметь внутри «центр, на который, опершись, мог бы он пересилить и самые страдания в горе жизни». (...) «Центр», о котором здесь говорит Гоголь – это «*Centrum securitatis*» христианской мистики – Бог.¹¹ В нем – уверенность и прочность. Он же указывает человеку и «свое место» (которое есть у каждого человека) в мире; Бог «заказчик», на которого мы все работаем. Потеря связи с этим Центром – потеря своего места в мире, потеря цели жизни («заказа»). А отдача себя внешнему миру, связывание своей судьбы с объектами этого мира – и есть потеря Центра, и одновременно потеря себя самого. «Внешняя жизнь вне Бога, внутренняя в Боге», пишет Гоголь; поэтому познание Бога (как традиционно в христианской мистике) – самопознание: «надо, углубляясь в себя, спросить и узнать, какие в нас сокрыты стороны полезные и нужные миру, ибо нет ненужного звена в мире».¹²

То, что тему «своего места» Чижевский связывал с творчеством украинского философа и мистика Григория Сковороды, неоднократно отмечалось исследователями (которые следовали здесь прямым указаниям самого Чижевского на знаменитую сквородиновскую Песнь 10-ю из «Сада

См. недавнее переиздание этих материалов: Вокруг Достоевского: В 2 томах. Том 1: О Достоевском: Сборник статей под редакцией А. Л. Бема Составитель, вступительная статья и комментарии М. Магидовой. Москва 2007.

¹⁰ Попытку реконструкции архитектоники книги Чижевского «О формализме в этике», в которой темам «онтологической слабости и неустойчивости этического субъекта», двойничества и «своего места» принадлежит важная роль, см. в вышеуказанном очерке В. В. Янца. с. 75-77.

¹¹ «*Centrum securitatis*» – Чижевский использует здесь название сочинения Яна Амоса Коменского (1625 г.).

¹² ЧИЖЕВСКИЙ, Д.: О «Шинели» Гоголя. Современные записки. LXVII. Париж, 1938, с. 192.

божественных песней»¹³. Скажу далее, что в решительном утверждении Чижевского «Мир и ч о р т ловят человека не только великим и возвышенным, но и мелочами ...» следует видеть и аллюзию на сквородиновскую автоэпитафию.¹⁴ Но какую же именно идею Сквороды имеет в виду Чижевский (помимо темы человеческих «задоров»-страстей, восходящей еще к Горацию)? Речь, конечно же, должна идти об одной из центральных идей учения Григория Сквороды, об идее *сродного труда*, или *сродности*. Тесно связанная с *софиологией* украинского философа, идея эта предполагает наличие для каждого индивида Божественной предрасположенности к определенному виду труда, т. е. *своего места*; совокупность *сродностей* как умопостигаемых предвечных личностей, «внутреннее человечество», и есть София (тот самый, говоря словами Чижевского, göttlich Stellenplan). Отсюда призыв Сквороды не поддаваться «клейким тенетам мира» и требование возрастания внутрь, реализации индивидом божественного о себе замысла, отрасли Божественного Логоса, «внутреннего человека». Это возможно посредством познания (*posce te ipsum!*) своей *сродности* и осуществляется в форме персоналистически-конкретной общественно-значимой деятельности, поднятой до уровня мастерства. «Я учил всегда осматриваться на свою природу, кратко сказать, – познать себе самого, к чему он рожден, ибо никого бог не обидил».¹⁵

Хорошо известно, что в поздней переписке Гоголя, в «Выбранных местах», «Авторской исповеди» и др. постоянно возникает тема *места*, *должности*, *поприща*. Как и у Сквороды, идея эта противопоставлена абстрактному спиритуализму – речь идет о своеобразной мистической «укорененности», служении на земле как осуществлении божественного в себе начала. Не надо витать в облаках, «на воздухе», – настаивает Гоголь. «...Нужно стоять хоть на каком-нибудь земном грунте. (...) Если взглянешь на место и должность как на средство к достижению не цели земной, но цели небесной, во спасение своей души – увидишь, что закон, данный Хрис-

¹³ См.: НАДЪЯРНЫХ, Н. С.: Дмитрий Чижевский. Единство смысла. Москва 2005. с. 225, 226; ВАСИЛЬЕВА, М. А. А. Л. Бем, П. М. Бицилли, Д. И. Чижевский: Метод «мелких наблюдений» А. Л. Бем и гуманитарные проекты русского зарубежья: международная конференция, посвященная 120-летию со дня рождения. 16-18 ноября 2006 г. Составитель, научный редактор М. А. Васильева. Москва 2008. с. 125, 134.

¹⁴ ЧИЖЕВСКИЙ, Д.: О «Шинели» Гоголя. с.193. На могиле Сквороды написано: «Мир ловил меня, но не поймал».

¹⁵ СКВОРОДА, Г.: Повне зібрання творів. У 2 томах, т. 2, с. 388. О Сквороде вообще и о его софиологии в частности см.: МАРЧЕНКО, О. В.: Григорий Скворода и русская философская мысль XIX-XX веков. Исследования и материалы. Часть I. Москва 2007.

том, дан как бы для тебя самого, как бы устремлен лично к тебе самому, затем, чтобы ясно показать тебе, как быть на своем месте во взятой тобою должности. (...) Трудней всего на свете тому, кто не прикрепил себя к месту, не определили себя, в чем его должность: ему трудней всего применить к себе закон Христов, который на то, чтобы исполняться на земле, а не на воздухе... (...) Не забывать только нужно того, что взято место в земном государстве затем, чтобы служить на нем Государю Небесному, и потому иметь в виду Его закон. Только так служба, можно угодить всем: государю, и народу, и земле своей. (...) Теперь все должности мне кажутся равны, все места равно значительны, от малого до великого, если только на них взглянешь значительно. (...) ...Я убежден, что место и должность нужны для самого себя (...) Как ни бурно нынешнее время, как ни мнутся и не волнуются вокруг умы, как ни возмущает тебя собственный ум твой, но можно остаться среди всего этого в тишине, если с тем именно возьмешь свое место, чтобы на нем исполнить долг таким образом, чтобы не стыдно было дать и за который дашь ответ Небу» («Авторская исповедь»)¹⁶

Чижевский совершенно справедливо отмечает, что для Гоголя очень характерно сближение и слияние проблем религиозных и хозяйственно-экономических, и именно это так раздражало современников.¹⁷ Это как раз центральная идея Сквороды: познай себя, познай свою натуру, свою сродность, займи свойственную тебе должность, и сам ты обретешь счастье и душевный покой, – и общество будет благополучно.¹⁸

«Не смущайтесь никакими событиями, какие ни случаются вокруг вас, – читаем в «Духовном завещании» Гоголя. – Делайте каждый свое дело, молясь в тишине. Общество только тогда поправится, когда всякий частный человек займется собою и будет жить как христианин, служба Богу теми

¹⁶ ГОГОЛЬ, Н. В.: Выбранные места из переписки с друзьями Сборник. Составитель, вступительная статья и комментарий. В. А. Воропаева. Москва 1990. с. 308, 309, 306, 307.

¹⁷ ЧИЖЕВСКИЙ, Д. И.: Неизвестный Гоголь. Русские философы (конец XIX-середина XX века): Антология. Вып. 3. Составитель. Л. Г. Филонова. Москва 1996. с. 313.

¹⁸ «Другими словами именно об этом говорил Скворода: человек должен выбирать себе работу, к которой он имеет симпатию, склонность, любовь. Только тот труд является продуктивным, что гармонирует с натурой человека» (ЧИЖЕВСКИЙ, Д. Нариси з історії філософії на Україні. Прага 1931 (фототип. переизд. Нью Йорк. 1991, с. 94). См. также: TSCHYZEW-SKYJ, D.: Skovoroda – Gogol' (Y. G. Shevelev zum Geburtstag). Die Welt der Slaven. Vierteljahrsschrift für Slavistik. Wiesbaden 1968. Jg.XIII. Hft. 1. s. 318-325. О связи идейного наследия Гоголя с учением Сквороды последнее время энергично пишет С. А. Гончаров (см.: ГОНЧАРОВ, С. А.: Творчество Гоголя в религиозно-мистическом контексте. Санкт-Петербург 1997. с. 120 сл., 134, 144-145 и др.).

орудиями, какие ему даны, и стараясь иметь доброе влияние на небольшой круг людей, его окружающих. Все придет тогда в порядок, сами собой установятся тогда правильные отношения между людьми, определятся пределы законные всему. И человечество двинется вперед».¹⁹

Представив в своем цикле «Праведники» целый ряд образов нашедших *свое место* людей из разных сословий («Однодум», «Пигмей», Кадетский монастырь», «Несмертельный Голован», «Очарованный странник» и др.), Н. С. Лесков так подытожил основную мысль этих рассказов: «Такие люди, стоя в стороне от главного исторического движения, как правильно думал незабвенный Сергей Михайлович Соловьёв, *сильнее других делают историю*».²⁰

Это как раз то, что было близко и философу-страннику Григорию Сковороде с его идеей «сродности», и «царства монпарнасского царевичу Борису Поплавскому с его «неизвестным солдатом русской мистики», и удивительной Симоне Вейль, и Николаю Гоголю с его *Philosophie eines göttlichen Stellenplanes*.

¹⁹ ГОГОЛЬ, Н. В.: Указанное издательство, с. 380.

²⁰ ЛЕСКОВ, Н. С.: Собрание сочинений в 12 томах. Т.2. Москва 1989. с. 75. С. М. Соловьёв (1820-1879) – великий русский историк. Центральная в мировоззрении Гоголя проблема «своего места», – пишет Чижевский, – была позднее опошлена «в социальном аспекте в псевдопроблему «лишних людей» (замечательный – идеологически и художественно – ответ Лескова на эту псевдопроблему в его «Праведниках», стремящихся показать, что нет лишних людей, был никем не замечен)» (ЧИЖЕВСКИЙ, Д.: О «Шинели» Гоголя. с. 187). Будучи в свое время вольнослушателем киевского университета, Н.С. Лесков был знаком с творчеством Сковороды (см.: АНКУДИНОВА, О. В.: Лесков и Сковорода (к вопросу об идейном смысле повести Лескова «Заячий ремиз») //Вопросы русской литературы. 1973. № 21. с. 71-77).

